

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 1 (67). 2015. № 2. С. 3–12.

УДК 316.7

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ С ПОЗИЦИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.¹

Романова А.П.

Целью статьи является выявление роли традиций и инноваций в современной культуре с позиции теорий культурной безопасности и секьюритизации. Основным методом исследования является анализ зарубежного и отечественного научного дискурса в области безопасности. Работы представителей так называемой валлийской школы безопасности (Booth, K, Jones R. W.) сместили акцент в объяснении проблем безопасности в сторону социальных проблем. Теория секьюритизации копенгагенской школы (Vizan B., Wæver O.) показала роль дискурсивных практик в конструировании угроз мировой и национальной безопасности. Концепция культурной безопасности, получившая в последнее время значительное развитие, стала рассматривать как важнейшую угрозу безопасности социума разрушение национальной культуры и утрату культурной идентичности. В мировой практике существует три основных вектора исследования в русле концепции культурной безопасности: проблемы сохранения культуры аборигенных этносов или minority; проблемы, связанные с защитой национальной культуры от чужих влияний; проблемы влияния национальной культуры на глобальную экономику. Анализируя российский научный дискурс, посвященный культурной безопасности, автор приходит к выводу, что основная дискуссия ведется в рамках второго направления. В центре дискуссии находится проблема инноваций в культуре. Поскольку, как считают западные исследователи, в России процесс секьюритизации коснулся, прежде всего, культуры, то вопрос о традициях и инновациях сводится к двум моментам: к влиянию массовой культуры на современную российскую культуру и размыванию культурной идентичности россиянина под влиянием глобализации.

Ключевые слова: культурная безопасность, традиции, инновации, культурный код

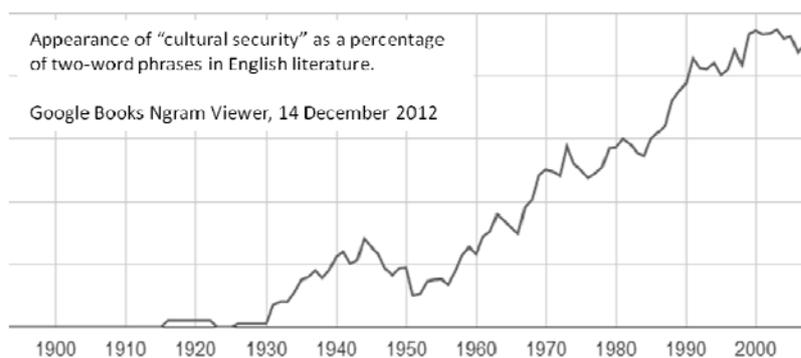
¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а © «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

Введение. Идеология современного мира построена на пропаганде инновационного развития. Термин «инновация» стал почти сакральным понятием в современной экономической и политической системе. Инновации становятся обязательным компонентом современного научного производства. Но если в экономике и науке термин «инновации» более или менее устоялся, и означает приращение нового знания, воплощенное в конкретном продукте, то в отношении инноваций в культуре до сих пор идет определенная полемика.

Собственно вопрос о доминировании традиций или инноваций в культуре является фундаментальным и требует переосмысления в связи с появлением в зарубежной и отечественной науке публикаций, связанных с проблемами культурной безопасности.

Теория культурной безопасности.

Сам термин «культурная безопасность» в его английском варианте (culturalsecurity) появляется приблизительно столетие назад. Роберт Албро, активно занимающийся этой проблемой, поместил в блоге, посвященном культурной безопасности, диаграмму частоты употребления этого понятия в английской литературе, где убедительно показал значительный рост его использования в научном дискурсе в последние десятилетия².

Однако, несмотря на почти столетний опыт употребления этого термина, как понятие он так до конца и не прояснен, и существует множество трактовок и соответственно, вариантов его использования. В зарубежном (англоязычном) научном дискурсе употребляются два термина, связанные с культурной безопасностью: «culturalsafety» и «culturalsecurity». Первый термин возник в процессе работы с аборигенным населением Новой Зеландии и формированием системы медсестринского и акушерского обслуживания, – когда стало понятно, что в процессе этой деятельности необходимо знать и учитывать традиции и обычаи народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь. Термин

²Robert Albrow. Risk Assessment in Encounters between Culture and Security

«culturalsecurity» отличается от понятия «culturalsafety» и имеет более формализованный юридический смысл: это, прежде всего, защита, обеспечение, гарантия, охрана [6]. Более подробно сопоставление и анализ использования этой терминологии смотри в нашей статье [21, с.36-55].

В последнее время термин «culturalsafety» используется локально, и даже применительно к культурам аборигенных народов применяется дополнительно термин «culturalsecurity» для обозначения одной из стадий этого процесса [3, с.22-24].

Объектом культурной безопасности в узком смысле является культурное наследие и прежде всего искусство, которое необходимо защищать от утрат времени, бытового и политического вандализма, а так же всевозможных подделок. В русле узкой трактовки культурной безопасности на первый план выходит проблема места симулякра в современной культуре, которую обозначили еще классики постмодернизма [10. 13. 11]. Особенно это актуально в связи с наступлением эры симулякров в эпоху развития массового туризма [22] и формирования «человека путешествующего» [23, с.262-267]. В данной статье нас интересует более широкая концепция культурной безопасности, где как объект сохранения и защиты рассматривается культура как таковая. В рамках такого подхода существуют три вектора использования понятия культурная безопасность (culturalsecurity). Прежде всего это – сохранение культуры аборигенных этносов, для чего первоначально использовался термин culturalsafety, который обозначает именно бережное сохранение и консервацию культуры. Во-вторых, это защита национальных культур от постороннего, прежде всего Западного влияния. Это может выражаться и в запрете на творчество некоторых западных деятелей культуры (Китай, Иран), запрете на творчество ряда российских культурных деятелей на Украине, в активной пропаганде национальной культуры и критике западной. Третий из векторов использования culturalsecurity сопряжен с анализом влияния национальных культур на глобальную экономику.

Что лежит в основе концепции культурной безопасности? Исходя из социетальной ориентации современной теории безопасности (валлийская и копенгагенская школы) основной акцент как в изучении, так и обеспечении безопасности необходимо перенести с государства на человека. В последнее время в западном и отечественном научном дискурсе появилось множество специализированных концепций безопасности: духовная, социальная, гражданская, культурная и т.д., с более узким объектом сохранения и защиты.

Если объектом безопасности в системе международных отношений является государство, то, как считают некоторые исследователи, для культурной безопасности он меняется. Объектом становятся люди, а предметом государство, в котором культура является фактором определения идентичности граждан, или социальные группы людей, связанные культурной общностью [8]. Однако это прочтение культурной безопасности специалистами в области международных отношений. С позиции культуролога люди являются объектом безопасности в глобальном смысле, касающемся вопроса выживания человечества в целом, а объектом культурной безопасности является культура. Предметом же культурной

безопасности может выступать и культурная целостность, и культурная идентичность, и культурный код, и культурное наследие, как и вся совокупность в зависимости от контекста, причем как на уровне государства, так и на уровне определенной социальной группы. Необходимо учитывать также, что не всегда задачи сохранения культурной безопасности, которые ставит перед собой государство, будут совпадать с задачами, которые ставит перед собой локальная культурная группа.

Когда мы употребляем термин «безопасность», мы, прежде всего, подразумеваем защиту от угроз, реальных или мнимых [5. 7. 8]. Когда мы говорим о культурной безопасности, мы подразумеваем два аспекта: защиту и сохранение, что отражено в англоязычной лексике. В русском языке сохранение – это действие, направленное на предмет, на его консервацию. Защита – действие барьерное, отражающее и направлено вовне. Конечно, грань между этими понятиями достаточно условная и защита подразумевает комплекс мер, по сохранению объекта защиты в первоначальной форме. Именно так в последнее время в отечественном и зарубежном дискурсе трактуется термин «культурная безопасность». Трактовка культурной безопасности (cultural security), предложенная Скоттом Форрестом, включает в это понятие «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [7]. Давая определение культурной безопасности, Агата Зайтек и Мария Кюри тоже делают акцент на сохранении общества. По их мнению «культурная безопасность – способность общества сохраниться в его существенных характеристиках при изменяющихся условиях и или фактических угрозах» [8].

С нашей точки зрения, концепция культурной безопасности более широка и рассматривает культуру не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (как-то: предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом способствует ее стабилизации. Таким образом, система культурной безопасности нацелена и на сохранение и на защиту культуры одновременно.

Традиции или/и инновации?

Самым важным аспектом культурной безопасности, как видим, считается защита от всевозможных угроз для целостности культуры. Основными факторами, скрепляющими культурные ценности, считаются традиции, алиментарная культура, язык, общая этническая и религиозная принадлежность, разделяемая данной группой система коммуникаций и т.д. Именно эти элементы визуально наиболее репрезентативно представляют культуру любого народа. Однако в процесс ее развития любая культурная традиция, сталкиваясь с чужими культурами,

подвергается определенному влиянию. Практически ни один компонент культуры не остается неизменным с течением времени. Например, современный разговорный русский весьма отличается от языка девятнадцатого века, тем более от ранних древнерусских языковых традиций. В большинстве культур вестиментарный вектор изменился до неузнаваемости, оставив иногда отдельными вкраплениями части национального декора. Наиболее хорошо сохраняемой является алиментарная культура. В рамках алиментарной культуры мы одновременно и впитываем новые традиции и продукты, но и сохраняем традиционные для данной культуры блюда.

Так все-таки, при неизбежной динамике изменения культуры, вопрос о том, что должно быть «в сухом остатке», чтобы можно было говорить о воспроизводстве именно данной культуры и что из новаций ей угрожает, а что способствует развитию, до сих пор открыт.

В последнее время для исследования динамики изменения культуры в целом и науки как ее части, активно используется термин «инновация». Само понятие «инновация» тоже достаточно неоднозначно. Как фундаментальная онтологическая категория она определяется как «целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения (организацию, поселение, общество и т.д.) новые, относительно стабильные элементы» [18]. Инновация рассматривается и как новшество, не изменяющее общей структуры соотношения полюсов дуальности, но создающее предпосылки для ее существенного изменения [9]. Важным фактором отнесения какого-либо новшества к инновациям считается так же воплощение новых креативных идей на практике [15].

В контексте нашей статьи мы ставим равенство между понятиями «новации» и «инновации» и привязываем их к объяснению динамики развития культуры в целом. Под инновациями мы понимаем те изменения, которые влияют как на общий культурный контекст, так и на традиционные культурные паттерны.

Траектории возникновения инноваций могут быть разными. Во-первых, это внешние воздействия на культурные традиции со стороны других культур, прежде всего на территориях их соприкосновения (пограничье, фронтир, колонизация, импорт культуры). Эти инновации могут возникать естественным путем в результате межкультурных контактов, появления смешанных семей, билингвизации, а могут и насаждаться насильственно: христианизация аборигенов, импорт европейской культуры в Россию в эпоху Петра. Во-вторых, это возникновение новаций внутри самих традиций. В-третьих, инновации как возвращение к более древним традициям.

Инновации рано или поздно оказывают влияние и на культурный код той или иной культуры. Считается, что именно культурный код чаще всего несет в себе основные характеристики культурной специфики того или иного народа. Несмотря на то, что существует несколько подходов к интерпретации самого понятия «культурный код» [12, с.132-237], традиционно он рассматривается как информативная система знаков и символов [24]. Язык – это способ сохранения культурной памяти [4, с. 88-115, с. 88-89], а «взрыв» представляет собой соотношения минимально двух знаков культуры [16, с.8]. На специфику культурного кода влияют и традиции, в том числе религиозные, алиментарная и

вестиментарная культура. Культурный код представляет собой наиболее консервативную часть культуры, поскольку формируется и воспринимается на бессознательном уровне (как считают некоторые исследователи, с помощью рептильного отдела мозга) и представляет «бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны» [20]. С таким утверждением можно не соглашаться, но тот факт, что понятие культурного кода в гораздо большей степени связано с межкультурной коммуникацией, нежели традиция, не вызывает сомнения. Но культурный код тесно связан и с понятием культурной безопасности. Именно его пытаются понять или взломать, декодировать в процессе активных межкультурных контактов, возросших в эпоху глобализации и международного менеджмента. Для осуществления результативных межкультурных коммуникаций необходимо понимание культурного кода представителей культуры, с которыми общаешься. Но, с другой стороны, именно его и пытаются защитить от трансформации и исчезновения сторонники культурной безопасности, особенно в отечественном научном дискурсе.

Дискуссия и выводы.

В широком разбросе аспектов исследования культурной безопасности в России (информационные, правовые, философские, культурно-досуговые) можно проследить несколько подходов к ее интерпретации и одновременно к статусу и перспективам российской культуры.

В основе этой дискуссии лежат как многовариантность дефиниции понятия «культурная безопасность», так и вечная проблема традиций и инноваций в культуре как таковой, а понятие культурной безопасности коррелируется именно с признанием или отрицанием инновационного характера современной культуры.

Первый подход характеризуется достаточно *критичным* восприятием как самого термина «культурная безопасность», так и перспектив его использования в научном дискурсе. Признавая сам факт существования термина «культурная безопасность», далеко не все исследователи признают его функциональную необходимость. В данном подходе этот термин имеет отрицательную коннотацию, поскольку сама культурная безопасность понимается как вмешательство в естественное развитие любой культуры политическими или организационными методами. Сторонник такого подхода известный отечественный культуролог К. Разлогов считает, что призывы к культурной безопасности, по сути, являются попытками законсервировать национальную культуру на уровне лучших образцов прошлого и ведут к жесткому отрицанию современной массовой культуры. С его точки зрения «культура сама по себе консервативна, и она сама себя спасет. Но если мы не будем думать о развитии, то мы заиклимся. А любая система, ориентированная только на самосохранение, обречена» [19].

Сторонники *второго подхода* не только полностью принимают термин «культурная безопасность», но и активно им оперируют. Чаще всего, в рамках такого подхода это понятие употребляется по отношению к отечественной культуре, к перспективам ее растворения в западной и в так называемом «масскульте». Отечественная культура маркируется как православная, основанная на

традиционных ценностях. Для сторонников такого подхода любая инновация в культуре связана с опасностью ее дестабилизации и разрушения. В силу этого, как считают сторонники данного подхода, пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации» [14, с.93-96]. Собственно, эта система и именуется «культурной безопасностью».

Сторонники *третьего подхода* предполагают, что главная проблема состоит в двойственности любой национальной культуры. С одной стороны, «национальная культура всегда в той или иной степени открыта для культурного обмена. И как бы она ни была уникальна, самобытна, она постоянно, так или иначе связана с культурами других народов, с мировой культурой, обогащается сама их ценностями, опытом, идеями, инновациями...» С другой стороны, «культурный взаимообмен предполагает сохранение их уникальности, самостоятельности» [17]. Сторонники данного подхода считают понятие культурной безопасности функциональным, многоаспектным и отражающим социокультурные возможности общества, направленные как на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы) и, так и на создание благоприятных условий для культурной жизни общества.

Мы не рассматриваем культурную безопасность как инструмент государственной политики, направленной на искоренение любых инноваций и насильственную консервацию традиционных аспектов любой культуры, в том числе и российской. Мы рассматриваем культурную безопасность как систему внутренней саморегуляции и стабилизации общества, направленной на ее развитие и сохранение одновременно.

Таким образом, мы видим, что отечественных исследователей культуры, как, впрочем, и представителей управленческой элиты других государств (Китая, Ирана) беспокоит, прежде всего, экспансия американского масскульта, которая, как они считают, разрушает национальную культуру. Вслед за ними, концепция секьюритизации [1. 2] предполагает, что объектом культурной безопасности становится та угроза, которая озвучена как основная, педалируется в политических кругах, в СМИ, в массмедиа. Пока угроза не становится публично обсуждаемой, для системы безопасности она не видима. Возможно, что именно обсуждение западного масскульта превращает его в объект культурной безопасности для отечественных исследователей.

Список литературы

1. Buzan B, Waever O., De Wilde J. Security: a New Framework for Analysis. – London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
2. Buzan Barry, Hansen Lene. The Evolution of International Security Studies. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 400 p.
3. Coffin J. Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security // Aboriginal & Islander Health Worker Journal. – 2007. – 31(3). – P. 22-24.

4. Roy G. D'Andrade. Cultural Meaning systems. In: Richard A. Shweder, Robert A. LeVine (eds.) Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. – Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. – P. 88-115, p. 88-89.
5. Waever Ole, Buzan Barry. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. – London: Pinter, 1993. – 231 p.
6. Albro Robert. Risk Assesment in Encounters between Culture and Security. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>
7. Scott Forrest. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum, Plenary on Security. – NWT, Yellowknife. – 18.09. 2004.
8. Ziętek Agata W., Maria Curie. Cultural Security: How to Analyze It? [Электронныйресурс]. – Режимдоступа: http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/agatazietek_culturalsecurity.pdf.pdf
9. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М.: Философское общество СССР, 1991. – Ч III.
10. Батай Ж. Внутренний опыт. – СПб.: Аxiома/Мифрил, 1997. – 336 с.
11. Бодрийяр Ж. Система вещей / Перев. с франц. Зенкин С. - М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 1995. – 174 с.
12. Букина Н.В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – №14. – С.132-237.
13. Деррида Ж. Позиции. – К.: ДЛ., 1996. – 192 с.
14. Душина Т., Бокачев И. Актуализация безопасности духовной культуры Российского общества // Власть (Журнал). – 2011. - №1. – С. 93–96.
15. Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. – 2009. – № 2 (10). – С. 16 - 26.
16. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – 704 с.
17. Маршак А.Л., Сергеев В.В. Культурная безопасность населения московского мегаполиса // Научное издание. – М.: Серебряные нити, 2008. – 96 с.
18. Пригожин А.И. Методы развития организаций. - М.: Международный центр финансово-экономического развития, 2003. – 864 с.
19. Разлогов К.Э. Культурная опасность. Компания (еженедельник). – М. – 2008. – (8 декабря).
20. Рапай Клотер. Культурный код. – М.: Юнайтед Пресс, 2008. – 168 с.
21. Романова А.П., Бичарова М.М. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – №2. – С. 36-55.
22. Романова А.П., Якушенков С.Н., Дахин С.Д. Подлинники или симулякр: перспективы развития материального культурного наследия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – №4 (29). – С. 281-288.
23. Топчиев М.С., Дрягалов В.С. «Человек путешествующий» и индустрия туризма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3. – С. 262-267.
24. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Резник, А.Погоняйло. – СПб.: Symposium, 2004. – 544 с.

Romanova A.P. Traditions and Innovations from the Perspective of Cultural Security // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political sciences. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 2. – P. 3-12.

The object of an article is to find out the roles of traditions and innovations in the contemporary culture from the perspective of cultural security and securitization theory. The main method of the research is an analysis of the international and national scientific discourse regarding security. The papers of so called Welsh school (security studies) representatives (Booth, K. Jones R. W.) shifted the focus towards societal issues regarding the explanation of security problems. The securitization theory of Copenhagen school

(Buzan B., Wæver O.) showed the role of discursive practices in threat modeling of international and national security. Cultural security approach, that is far and wide developed nowadays, considers collapse of national culture and loss of national identity to be the most important society security threat. There are three main research lines in the modern practice regarding cultural security approach: issues of preservation of culture of indigenous ethnic groups or minority; issues related to protection of national culture from alien influence; issues of national culture influence on global economy. Analyzing Russian scientific discourse on cultural security, the author has arrived at the conclusion that the discussion revolves around the second research line. Innovation issue in culture is in the center of discussion. It is due to the western researchers, securitization process in the Russian Federation, first and foremost, dealt with culture, that traditions and innovations issue comes down to two points: influence of mass culture on contemporary Russian culture and blurring of Russian's cultural identity under the influence of globalization.

Key words: cultural safety, tradition, innovation, cultural code

References

1. Buzan B, Waever O., De Wilde J. Security: a New Framework for Analysis. – London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
2. Buzan Barry, Hansen Lene. The Evolution of International Security Studies. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 400 p.
3. Coffin J. Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security // *Aboriginal & Islander Health Worker Journal*. – 2007. – 31(3). – p. 22-24.
4. Roy G. D'Andrade. Cultural Meaning Systems. In: Richard A. Shweder, Robert A. LeVine (eds.) *Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion*. – Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. – p. 88-115; 88-89.
5. Waever Ole, Buzan Barry. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. – London: Pinter, 1993.
6. Albro Robert. Risk Assesment in Encounters Between Culture and Security. [Electronic source]. – Access mode: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>
7. Scott Forrest. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // *Northern Research Forum, Plenary on Security*. – NWT, Yellowknife, 2004. (18.09).
8. Ziętek Agata W., Maria Curie. Cultural Security: How to Analyze It? [Electronic source]. – Access mode: http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/agatazietek_culturalsecurity.pdf
9. Akhiezer A.S. Russia: Historical Experience Criticism: in 3 vol. – M.: USSR filosofical society, 1991. – Part 3.
10. Bataille G. Inner Expirience. – St. Petersburg: Axioma / Mifril, 1997. – 336 p.
11. Baudrillard J. System of Objects. – Moscow: Margarita Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature, 1995. – 174 p.
12. Bukina N.V. The Study of Cultural Patterns Methodology. *Newsletter of Buryat state university*. – 2010. – №14. – pp. 132-237.
13. Derrida. J. Positions. – K.: D.L., 1996. – 192 p.
14. Dushina T., Bokachev I. Foregrounding of Spiritual Culture Safety of the Russian Society. *Vlast (the Power) journal*. – 2011. – №1. – pp. 93–96.
15. Lebedeva N.M., Yasin E.G. Culture and Innovations: Problem Definition. // *Foresight* – 2009. – № 2 (10). – pp. 16 - 26.
16. Lotman Yu. M. Semiosphere. – St. Petersburg: «Art–St. Petersburg», 2010. – 704 p.
17. Marshak A.L., Sergeev V.V. Cultural Safety of Moscow Metropolitan City. – Moscow: Serebryanye niti, 2008. – 96 p.
18. Prigozhin A.I. Organization Development Methods. – Moscow: FEDIC, 2003. – 864 p.
19. Razlogov K.E. Cultural Danger. – Moscow: Kompaniya (the Company) (weekly paper), 2008. – (December 8).

20. Rapaille Clotaire. The Culture Code. – Moscow: Unated Press, 2008. – 168 p.
21. Romanova A.P., Bicharova M.M. The Problem of Cultural Safety in Scientific Discourse // Individual. Community. Management. – 2015. – №2. – pp.36-55
22. Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Dakhin S.D. Original or Simulacrum: Tangible Cultural Heritage Prospects for Further Development // The Caspean Sea region: politics, economy, culture. – 2011. – №4 (29). – pp. 281-288.
23. Topchiev M.S., Dryagalov V.S. «A Traveller» and Travel Industry // The Caspean Sea region: politics, economy, culture. – 2012. – № 3. – p. 262–267.
24. Eko U. Missing Structure. Introduction to Semiology. – St. Petersburg: Symposium, 2004. – 544 p.